

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

**Воинские преступления в классических Афинах
по данным речей аттических ораторов***И. В. Востриков, Э. В. Рунг*

Для цитирования: *Востриков И. В., Рунг Э. В.* Воинские преступления в классических Афинах по данным речей аттических ораторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 671–685. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.307>

Статья посвящена рассмотрению проблемы воинских преступлений в Афинах классического периода на основе анализа речей аттических ораторов. Прежде всего обращается внимание на классификацию преступлений, упоминаемых в речах. В частности, отправной точкой для данного исследования является пассаж Андокида, где перечисляются различные виды воинских преступлений: уклонение от службы, дезертирство, трусость, бросание щита, неучастие в морском сражении. Также разбираются случаи, связанные с нарушением воинской дисциплины, которое, по-видимому, стояло отдельно от остальных видов преступлений, что может быть обусловлено его меньшей тяжестью и наказанием. В целом исследуемая проблематика в статье рассматривается в двух аспектах: определяются причины обращения ораторов к теме воинских преступлений, анализируются сами случаи преступлений и их интерпретации ораторами. Авторы приходят к выводу, что ораторы специально не обращались к теме воинских преступлений, за исключением Лисия, две речи которого посвящены обвинению Алкивиада Младшего в уклонении от службы и дезертирстве. Факты воинских преступлений, как правило, использовались для создания негативной характеристики какого-либо лица или были частью обвинения в другом преступлении. Кроме того, могла иметь место весьма вольная интерпретация данных фактов, когда ораторы делали попытку

Игорь Владимирович Востриков — канд. ист. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; IVVostrikov@kpfu.ru

Igor V. Vostrikov — PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, ul. Kremlyovskaya, Kazan, 420008, Russian Federation; IVVostrikov@kpfu.ru

Эдуард Валерьевич Рунг — д-р ист. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; Eduard.Runf@kpfu.ru

Eduard V. Rung — Dr. Sci. (History), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, ul. Kremlyovskaya, Kazan, 420008, Russian Federation; Eduard.Runf@kpfu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

обвинить человека сразу в нескольких преступлениях, как, например, это было с Алкивиадом Младшим и Леократом. А в случае с Демосфеном мы сталкиваемся, по сути, с безосновательным обвинением в дезертирстве со стороны его политического оппонента Эсхина. Однако, как следует из источников, голословное обвинение в бросании оружия могло расцениваться как клевета, за которую было предусмотрено наказание. Случаев, связанных с неучастием в морском сражении, у ораторов не встречается, что может быть обусловлено трудностями, связанными с выявлением этих фактов, и малым числом морских кампаний, по сравнению с сухопутными.

Ключевые слова: Афины, ораторы, уклонение от службы, трусость, дезертирство, неучастие в морском сражении, бросание щита, нарушение дисциплины.

Military Crimes in Classical Athens according to the Speeches of Attic Orators

I. V. Vostrikov, E. V. Rung

For citation: Vostrikov I. V., Rung E. V. Military Crimes in Classical Athens according to the Speeches of Attic Orators. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 671–685. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.307> (In Russian)

The article addresses the problem of military crimes in classical Athens based on the analysis of the speeches of Attic orators. First of all, the attention is drawn to the classification of crimes mentioned in speeches. In particular, the starting point for this study is the fragment from Andocides listing various types of military crimes: service evasion, desertion, cowardice, abandoning of shield, and non-participation in a naval battle. The article also examines cases related to violations of military discipline, which, apparently, stood apart from other types of crimes, which may be due to their lesser severity and punishment. In general, the issues under study in the article are considered from two perspectives: firstly, the reasons for the orators' appeal to the topic of military crimes, and, secondly, the analysis of the cases of crimes themselves and their interpretation by the orators. The authors come to the conclusion that the orators did not specifically address the topic of military crimes, with the exception of Lysias, whose two speeches are devoted to accusing Alcibiades the Younger of evading service and of desertion. The facts of military crimes, as a rule, were used to create a negative characterization of a person or were part of an accusation of another crime. In addition, a very free interpretation of these facts could take place, when orators made an attempt to accuse a person of several crimes at once, as, for example, with regard to Alcibiades the Younger and Leocrates. The case of Demosthenes, is, in fact, unfounded accusation of desertion by his political opponent Aeschines. However, according to the sources, the allegations of abandoning of arms could be regarded as slander, for which punishment was provided. There are no cases associated with non-participation in a naval battle referred to by orators, which may be due to the difficulty in identifying these facts and a small number of naval campaigns compared to those on land.

Keywords: Athens, orators, evasion of service, cowardice, desertion, non-participation in a naval battle, abandonment of a shield, violation of discipline.

В условиях активной внешней политики Афин в классический период, проведение которой часто сопровождалось военными действиями, требовалась мобилизация всех сил и ресурсов полиса. основополагающее значение при этом имело четкое, добросовестное выполнение гражданами своих обязанностей по выполнению различных литургий и, конечно же, несение военной службы. Гражданин на поле боя должен был храбро сражаться и, в случае необходимости, пожертвовать

жизнью ради родного полиса. Такое поведение ожидалось от каждого гражданина и нашло отражение в клятве афинских эфебов (Todd, II, 204), в которой молодые граждане клялись не опозорить «священное оружие», не покидать товарища в строю (οὐκ αἰσχυνῶ τὰ ἱερὰ ὄπλα οὐδὲ λείψω τὸν παραστάτην ὅπου ἂν στειχῆσω), сражаться, подчиняться руководителям и законам (καὶ εὐηκοήσω τῶν ἀεὶ κραινότων ἐμφρόνως καὶ τῶν θεσμῶν τῶν ἰδρυμένων καὶ οὓς ἂν τὸ λοιπὸν ἰδρῦσονται ἐμφρόνως)¹. Очевидно, что уклонение от воинских обязанностей и их ненадлежащее исполнение могли негативно сказаться на репутации человека в глазах сограждан и повлечь наказание провинившегося. В данной статье мы обратимся к рассмотрению случаев воинских преступлений, упоминаемых в речах афинских ораторов, особенностей их восприятия, соотношения и проецирования в публичную сферу. Как известно, речи ораторов не только содержат аллюзии на многие события исторического прошлого, но дают наиболее значимые, подчас действительно уникальные сведения о различных аспектах общественной жизни граждан полиса. Однако при анализе лексики и аргументов ораторов необходимо также принимать во внимание и их пристрастность². Так, при обращении к рассуждениям ораторов о трусости, нужно принимать во внимание контекст речи с тем, чтобы определить, в каком смысле используют ораторы слово «трусость»: в юридическом, имея в виду одно из военных преступлений, или же в общепринятом, порочащем репутацию, смысле, с целью воздействовать на слушателей, вызвать неприязнь к обвиняемому.

При исследовании воинских преступлений афинских граждан прежде всего следует обратиться к классификации преступлений у афинских ораторов. В частности, Андокид, рассуждая об афинском законодательстве и наказании атимией за различные проступки, говорит, что данной мере подвергались и лица, совершившие воинские преступления: «... те, кто оставил строй; или кто был осужден за уклонение от службы, или за трусость, или за неучастие в морском сражении; или кто бросил щит» (καὶ ὅποσοι λίποιν τὴν τάξιν, ἢ ἀστρατείας ἢ δειλίας ἢ ἀναυμαχίου ὄφλοιν, ἢ τὴν ἀσπίδα ἀποβάλοιν) (Andoc., I, 74; пер. Э. Д. Фролова). В свою очередь Эсхин в речи «Против Ктесифонта» (Aesch., III, 175), со ссылкой на Солона, перечисляет уклонение от службы, оставление места в строю, трусость в связи с тем, что за них предусмотрено одинаковое наказание (ὁ γὰρ Σόλων ὁ παλαιὸς νομοθέτης ἐν τοῖς αὐτοῖς ἐπιτιμίοις ᾤετο δεῖν ἐνέχεσθαι τὸν ἀστράτευτον καὶ τὸν λελοιπὸτα τὴν τάξιν καὶ τὸν δειλὸν ὁμοίως). Но в речи «Против Тимарха» оратор говорит только о неучастии в походах и бросании щита (μὴ ἐστρατευμένος, ὅσοι ἂν αὐτῷ προσταχθῶσιν, ἢ τὴν ἀσπίδα ἀποβεβληκώς) (Aesch., I, 29). Демосфен в речи «Против Тимократа» подвергает резкой критике предложение по изменению некоторых законодательных норм Солона, предполагавшее возможность выставления поручителей, в результате чего виновные в различных преступлениях, в том числе и уклоняющиеся от службы (ἀστρατείας τις ὄφλη), могли бы избежать тюремного заключения (Dem.,

¹ О клятве эфебов см. подробнее: Siewert P. The ephobic oath in fifth-century Athens // Journal of Hellenic Studies. 1977. Vol. 97. P. 102–111; Kellogg D. L.: 1) Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα. The Ephobic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens // Mouseion. 2008. Ser. III. P. 1–22; 2) The Place of Publication of the Ephobic Oath and the “Oath of Plataia” // Hesperia. 2013. Vol. 82. P. 263–276.

² Об использовании речей аттических ораторов в качестве источника по истории и общественно-политической жизни Афин подробнее см.: Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators // Classical Philology. 1941. Vol. 36, no. 3. P. 209–229; Todd S. The Use and Abuse of the Attic Orators // Greece & Rome. 1990. Vol. 37, no. 2. P. 159–178.

XXIV, 102–107). При этом о других воинских преступлениях не упоминается. Таким образом, выделяются следующие воинские преступления: уклонение от службы — неучастие в военном походе (ἀστρατεία)³, оставление места в строю — дезертирство (λίποτάξιον), трусость (δειλία), бросание щита (τὴν ἀσπίδα ἀποβάλλειν), неучастие в морском сражении (ἀναυμάχιον)⁴. Необходимо отметить, что в приведенных свидетельствах ничего не говорится о нарушении воинской дисциплины (ἀκοσμία или же ἀταξία), о чем, помимо ораторов (Lys., XIV, 13, 18, 21), сообщают и античные историки (Hdt., VI, 11; Thuc., II, 92; Xen., *Hell.* III, 1, 9), очевидно, потому, что за него предусматривалось иное наказание.

Говоря о конкретных случаях обвинения в воинских преступлениях, нужно обратиться прежде всего к двум речам Лисия против Алкивиада Младшего (Lys., XIV, XV), в которых детально разбираются условия военной службы Алкивиада во время похода на Галиарт в 395 г. до н. э. В центре внимания здесь — переход Алкивиада из гоплитов в кавалерию, который ставится ему в вину. В речах предпринимается попытка оценить его проступок с разных сторон, при этом против Алкивиада выдвигаются обвинения сразу в нескольких воинских преступлениях. В первой речи ситуация в целом оценивается как дезертирство (λίποτάξιον) (Lys., XIV, 5, 7), а во второй — как уклонение от воинской службы (ἀστρατεία) (Lys., XV, 1). При этом в первой речи поясняется, что, несмотря на отсутствие боев во время похода, Алкивиад все равно следует считать дезертиром. В данном случае под дезертирством понимается не оставление своего места в строю в битве, а неявка на службу в гоплитах (Lys., XIV, 5–6). Однако далее Алкивиад обвиняется сразу в трех воинских преступлениях: «за уклонение от воинской повинности его справедливо было бы осудить потому, что, занесенный в список гоплитов, он не пошел с вами в поход; за дезертирство — потому, что в пехотном лагере он не отдал себя в распоряжение стратегов, чтобы они поставили его в строй с другими; и, наконец, в трусости — потому, что, обязанный делить опасности с гоплитами, он предпочел находиться в кавалерии» (ἀστρατείας μὲν γὰρ δικάϊως ἄν αὐτὸν ἀλῶναι, ὅτι καταλεγείς ὀπλίτης οὐκ ἐξῆθε μεθ' ὑμῶν, λιποταξίου δέ, ὅτι ἐν τῷ στρατοπέδῳ μόνος οὐ παρέσχε μετὰ τῶν ἄλλων ἑαυτὸν τάξει, δειλίας δέ, ὅτι δεῖν αὐτὸν μετὰ τῶν ὀπλιτῶν κινδυνεύειν ἰππεύειν εἴλετο) (Lys., XIV, 7; пер. С. И. Соболевского). Лисий призывает также считать трусостью не только оставление своего места в строю, но и переход из гоплитов в кавалерию, причем, без докимасии, что было уже нарушением закона (Lys., XIV, 8, 11). Г. Бью, опираясь на свидетельство Мантифея (Lys., XVI, 13), предполагает, что Алкивиад не был единственным, кто в то время без докимасии перешел в кавалерию⁵. Однако во второй речи против Алкивиада, Лисий (Lys., XV, 6) даже уточняет, что тот перешел в ряды конных стрелков (ἰπποτοξόται), где служба была менее престижна⁶.

³ Ранее мы уже касались проблемы уклонения от военной службы в Афинах, проанализировав ряд подобных упоминаний ораторами (*Востриков И. В.* Уклонение от военной службы в классических Афинах // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2016. № 2. С. 9–16). Однако в данной статье мы рассматриваем проблему воинских преступлений комплексно.

⁴ У того же Демосфена (Dem., III, 11) есть обобщенное упоминание о законах «относительно воинов, идущих на войну» (καὶ τοὺς περὶ τῶν στρατευομένων ἐνέτιους).

⁵ *Bugh G. R.* The horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 134.

⁶ Д. Пritchard полагает, что конные лучники не были частью элиты, из которой набиралась конница (*Pritchard P.* The Horsemen of Classical Athens. Some Considerations on Their Recruitment and Social Background // *Athenaeum.* 2018. Vol. 106, no. 2. P. 449).

Характер, эмоциональность речи и попытка обвинения в нескольких воинских преступлениях могут свидетельствовать о личном негативном отношении Лисия к Алкивиаду, что во многом было обусловлено жизненными трудностями, с которыми пришлось столкнуться оратору в период правления Тридцати. Возможно, оратор преследовал цель, манипулируя определениями воинских преступлений, добиться гарантированного осуждения Алкивиада. Здесь возникает резонный вопрос — как все-таки воспринимать поступок Алкивиада?

Как уже было сказано выше, первоначально Лисий ведет речь о дезертирстве и трусости, причем дезертирство расценивается как проявление трусости, и, соответственно, неявка на службу в гоплитах тоже можно считать ее следствием (Lys., XIV, 5–6). При этом оратор ссылается на соответствующий закон. Но в следующем отрывке речи (Lys., XIV, 7) встречаются несколько иные трактовки. Здесь под дезертирством понимается неявка Алкивиада в военный лагерь в распоряжение стратегов, которые осуществляли командование гоплитами и, таким образом, были непосредственными командирами Алкивиада как гоплита. Трусостью считается служба Алкивиада в кавалерии, а уклонением от службы — тот факт, что Алкивиад не отправился в поход с гоплитами. Кроме того, нужно помнить и про вторую речь, где проступок Алкивиада называется уклонением от службы (Lys., XV, 1), но также говорится и об оставлении места в строю гоплитов (Lys., XV, 11). Как мы видим, описание дезертирства Алкивиада в разных частях речи не совпадает (Lys., XIV, 5, 7). На это обращает внимание и Д. Хамел. По ее мнению, под определение дезертирства (самовольное отступление из строя во время битвы) попадает ситуация, описанная в разделах 5–6 (Lys., XIV, 5–6), в то время как трактовка дезертирства в разделе 7 (Lys., XIV, 7) не соответствует данному определению⁷. В качестве примера самовольного оставления строя можно привести случай, когда Фокион, согласно Плутарху, перед битвой сделал замечание воину, сначала вышедшему из строя вперед, а затем вернувшемуся назад, испугавшись неприятеля (Plut., *Phoc.* XXV). В конечном итоге получается, что обвинение Алкивиада в дезертирстве безосновательно, так как во время похода он не покидал войско и сражений с неприятелем, во время которых могло бы случиться дезертирство — оставление строя, не происходило⁸. Поэтому поступок Алкивиада можно расценивать как уклонение от службы. При этом данный случай, по нашему мнению, можно считать уклонением от службы на службе, а не уклонением от воинской повинности в целом⁹.

Однако у нас остается еще обвинение в трусости. М. Крист резонно отмечает, что трусость — это довольно расплывчатая категория и менее очевидная по срав-

⁷ Hamel D. Coming to term with λιποτάξιον // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1998. Vol. 39. P. 376.

⁸ У Фотия (Phot. s. v. λιπομαρτύριον) сообщается, что тот, кто не отправился в поход, судился по обвинению в уклонении от службы (ἀστρατείας), а выступивший в поход и оставивший строй — в дезертирстве (λιποταξίας). В свою очередь в *Lexica Segueriana* разделяются оставление строя (s. v. λιποτάξιον) и оставление войска (s. v. λιποστράτιον). Подобное деление встречается у Поллукса, однако не дается никаких пояснений относительно трактовки этих двух понятий (Poll., VIII, 40. 1–5). Однако в сохлжих к Демосфену Ульпиана дезертиром (λιποτάκτης) назывался тот, кто в момент битвы или в лагере оставляет строй и товарищей (Ulpian *ad Dem. Or.* III, 68). Исходя из представленных свидетельств, возникает вопрос относительно интерпретации понятия «дезертирство» (λιποτάξιον), которое, как нам кажется, может означать не только оставление строя в битве, но и оставление войска.

⁹ Востриков И. В. Уклонение от военной службы в классических Афинах. С. 12.

нению с тем же уклонением, зачастую являющаяся спонтанной реакцией на опасность в ходе битвы¹⁰. Лисий, как было сказано выше, считает проявлением трусости Алкивиада факт перехода из гоплитов в кавалерию, служба в которой была менее опасна. И если допустить, что такое решение было обусловлено стремлением избежать опасностей во время похода, а не какими-либо иными причинами, то обвинение Алкивиада в трусости выглядит вполне обоснованным.

Обвинение в военных преступлениях присутствует и в знаменитой речи Ликурга «Против Леократа». Афинянин Леократ обвинялся в том, что после битвы при Херонее уехал из города, забрав имущество, в то время как граждане, опасаясь вторжения Филиппа в Атику, начали энергично готовиться к обороне¹¹. Отъезд Леократа в столь критическое время для полиса расценивается Ликургом как предательство (προδοσία)¹². Но предательство Леократа Ликург понимает довольно широко, включая сюда ряд категорий. Военный аспект предательства Леократа состоял, по мнению Ликурга, в дезертирстве и уклонении от службы, «так как он не явился в распоряжение стратегов» (λιποτάξιον δὲ καὶ ἀστρατείας οὐ παρὰ σῶν τὸ σῶμα τάξει τοῖς στρατηγούσι) (Лус., I, 147). Здесь подразумеваются, по-видимому, решения народного собрания о том, чтобы стратеги привлекали афинян к обороне и призвали на службу лиц, по закону освобожденных от нее (Лус., I, 16, 37, 39–40). Дезертирство (λιποτάξιον) и уклонение (ἀστρατεία) в данном случае усматриваются в спешном отъезде Леократа из города и соответственно в том, что он не участвовал в подготовке обороны полиса. Таким образом, оратор к одному факту подводит сразу два воинских преступления, которые, как нам кажется, несовместимы. Поступок Леократа с военной точки зрения все-таки подпадает под уклонение от службы, а не под дезертирство, так как Леократ избежал мобилизации. Хотя у Ликурга нет прямого обвинения еще и в трусости, действия Леократа и его предательство по отношению к полису, по словам оратора, можно расценить как ее проявление. Как известно, Леократ был оправдан. В. В. Вальченко, анализируя аргументацию Ликурга, приходит к выводу, что у него имелись основания для привлечения Леократа к суду по обвинению в предательстве, исходя из постановления Народного собрания (Лус., I, 53), упоминаемого в речи¹³.

В своей речи «Против Ктесифонта» Эсхин обращается к теме военных преступлений в связи с несогласием с предложением Ктесифонта наградить венком Демосфена, своего политического оппонента, так как считает его недостойным человеком. Предложение Ктесифонта Эсхин считает противозаконным (Aesch., III, 7–8), аргументируя это тем, что запрещено награждать венком подотчетных лиц до сдачи отчета (Aesch., III, 11–12), объявлять о награждении в театре (Aesch., III,

¹⁰ Christ M. R. The bad citizen in classical Athens. Cambridge, 2006. P. 89–90.

¹¹ Об обстановке в Афинах непосредственно после битвы при Херонее см.: Sealey R. Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993. P. 198–199; Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 18–19; Холод М. М. Тень Херонейского льва: утверждение македонского господства в Греции в 338 г. до н. э. // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 188–190.

¹² Рунг Э. В., Востриков И. В. Тема предательства и патриотизма в речи Ликурга «Против Леократа» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 150–157. — В целом об обвинениях в предательстве (προδοσία) в классической Греции см.: Рунг Э. В. ΠΡΟΔΟΣΙΑ: Феномен предательства в классической Греции // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2016. № 2. С. 77–87.

¹³ Вальченко В. В. О характере аргументации в речи Ликурга против Леократа // Язык и литература античного мира (к 2500-летию Эсхила). Л., 1977. С. 66–67.

34) и вообще нет никаких оснований награждать Демосфена, так как он, вопреки мнению Ктесифона, «не действует во благо демократии» (Aesch., III, 49–50). Одним из ярких проявлений непорядочности, по мнению Эсхина, было поведение Демосфена в битве при Херонее, когда он якобы дезертировал и стал виновником поражения афинян. В речи неоднократно упоминается дезертирство Демосфена (λίπων τὴν τάξιν; λελοίποσι τὴν τάξιν; τάξιν ἔλιπεν и т. д.) (Aesch., III, 148, 152, 155, 159, 181, 187, 244, 253). Таким образом, если говорить об обвинении Эхином Демосфена в воинских преступлениях, в речи четко выделяется дезертирство, хотя выдвигаются еще и обвинения в трусости (δειλία) (Aesch., III, 81, 155, 160, 163, 175–176, 209, 214, 231, 244, 247). При этом обвинение в трусости упоминается дважды в связи с обвинением в дезертирстве (τὸν ἄνανδρον καὶ λελοίποτα τὴν τάξιν; ὅτι δειλός, ὅτι τὴν τάξιν ἔλιπε) (Aesch., III, 155, 244). В остальных случаях трусость Демосфена упоминается отдельно как одно из его врожденных качеств, которыми обусловлены все его поступки, особенно на государственном поприще. И, по логике Эсхина, дезертирство Демосфена отнюдь не случайно, а является следствием его трусости. Однако ранее Эхин уже обвинял Демосфена в дезертирстве во время похода афинян на Эвбею в 348 г. до н. э. (Aesch., II, 148). Таким образом, Эхин пытался обвинить Демосфена в двух случаях дезертирства в двух разных кампаниях. Примечательно, что «традиция» обвинения Демосфена в дезертирстве при Херонее поддерживается позднее в речи Динарха, посвященной разбирательству по делу Гарпала (Din., I, 12, 71, 81). Конечно, обвинение Демосфена в дезертирстве не выдерживает критики, так как оратор не занимал никаких командных постов в армии и в битве при Херонее участвовал как простой воин. Как справедливо замечает И. Е. Суриков, бежал не только Демосфен, бежало все войско¹⁴. К тому же именно Демосфену было поручено произнести надгробную речь на похоронах павших в битве, что может свидетельствовать о сохранении авторитета Демосфена и доверия к нему со стороны сограждан, несмотря на то что оратор был инициатором заключения союза с Фивами, приведшего впоследствии к катастрофе при Херонее¹⁵. Данный факт, по мнению Э. Харриса, указывает на то, что афиняне в большей степени возлагали вину за поражение на некомпетентного стратега Лисикла, чем на Демосфена¹⁶.

Говоря о таком воинском преступлении, как бросание щита, прежде всего следует обратить внимание на обвинения Демосфена в дезертирстве во время битвы при Херонее со стороны Эсхина и Динарха. Версия о недостойном поведении Демосфена в битве, представленная его политическими оппонентами, в дальнейшем принимается Плутархом и Псевдо-Плутархом. У Плутарха дезертирство Демосфена дополняется тем, что он бежал, бросив оружие (τὰ ὄπλα ῥίψας) (Plut., *Dem.* XX, 2). Описание поведения Демосфена у Псевдо-Плутарха более красочное и эмоциональное. Автор сообщает, что при бегстве Демосфен, решив, что его настиг враг, взмолило пощаде и предложил выкуп за себя (Ps-Plut., *Vit. X Orat.* 845 F). Однако о бросании оружия здесь ничего не говорится. Тем не менее, исходя из контекста,

¹⁴ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового времени. М., 2015. С. 296–297.

¹⁵ Несмотря на огромное политическое значение битвы и ее последствий для греков, мы располагаем весьма скудными свидетельствами о ходе сражения (Diod., XVI, 86–87; Pol., *Strat.* IV, 2, 2; Just., IX, 3–4).

¹⁶ Harris E. M. *Aeschines and Athenian Politics*, 1995. P. 147–148.

можно предположить, что и в этом случае подразумевается бросание оружия, так как Демосфен попросил о пощаде. Кроме того, и у Плутарха, и у Псевдо-Плутарха упоминается щит Демосфена, что может служить укором оратора в его поступке.

Примечательно то, что безосновательное обвинение кого-либо в бросании оружия могло быть расценено как оскорбление, за которое полагалось нести ответственность. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в двух речах Лисия против Феомнеста (Lys., X, XI). Так как вторая речь, по сути, является изложением первой, мы сосредоточимся именно на первой. Истец обвиняет Феомнеста в оскорблении словом, потому что последний сказал про него, что он убил отца (Lys., X, 1–2). Это произошло, когда афинянин Лисифей внес исангелию против Феомнеста, обвиненного в том, что он выступал в Народном собрании, но не имел на это права как «бросивший оружие» (τὰ ὄπλα ἀποβεβληκότα) (Lys., X, 1). В ходе разбирательства Феомнест был оправдан и, в свою очередь, привлек к ответственности самого Лисифея за оскорбление словом, наказанием за которое был предусмотрен штраф в 500 драхм (Lys., X, 12). Кроме того, свидетель Дионисий, выступавший на процессе против Феомнеста, был подвергнут атимии (Lys., X, 22, 24). Истец в речи всячески подчеркивает свое несогласие с оправданием Феомнеста и жалеет свидетеля Дионисия (Lys., X, 22–25). При этом истец о себе заявляет, что он, в отличие от Феомнеста, сохранил свой щит и поэтому никто не может обвинить его в этом преступлении. Наказание Дионисия истец считает несчастьем, так как он показал себя героем в сражениях и остался жив после тяжелого похода, во время которого афиняне понесли серьезные потери, но сохранившие оружие (οἱ δὲ σώσαντες τὰ ὄπλα) были осуждены за лжесвидетельство со стороны бросивших его (ὕπὸ τῶν ἀποβαλόντων) (Lys., X, 24–25). Истец также полагает, что привлечение Феомнестом Лисифея к ответственности за оскорбление словом не имеет под собой никаких оснований, так как на самом деле никакого оскорбления не было, а Феомнест неправильно понимает закон. При этом истец обращается к формулировке закона и пытается доказать, что оскорблением следует считать обвинение человека в том, что он «отбросил щит» (ἀποβεβληκέναι τὴν ἀσπίδα). Лисифей же сказал про Феомнеста, что он «бросил щит» (ἐρρίφέναι τὴν ἀσπίδα) (Lys., X, 12). Таким образом, здесь мы видим попытку разграничения понятий и оправдания Лисифея. Относительно подобных случаев Г. Макдауэлл отмечает, что закон не говорит точно, что выражения, имеющие схожие значения, также были запрещены¹⁷. В связи с этим возникает вопрос: это просто игра слов или их значение имеет принципиальный характер?

К проблеме трактовки случаев, связанных с потерей оружия, обращается Платон в своих «Законах» (Plat., Leg. 942a–945b). По его мнению, нужно быть очень осторожным при рассмотрении дел «о потере оружия на войне, чтобы не ошибиться и не счесть достойным порицания позором настоящую необходимость» (Plat., Leg. 943e; пер. А. Н. Егунова). Нужно это для того, чтобы не наказывать невиновного человека. При этом Платон подчеркивает, что трудно разграничить позорный поступок и необходимость, но все-таки законодательно это сделать необходимо (Plat., Leg. 943e). В качестве примера неоднозначной ситуации с «потерей оружия» он приводит эпизод из «Илиады», когда оружие Патрокла в качестве трофея попало к Гектору. Автор ставит вопрос: можно ли было обвинить Патрокла

¹⁷ MacDowell G. M. The law in classical Athens. Ithaca; New York, 1978. P. 127–128.

в потере оружия, если бы он после боя пришел в себя? В качестве второго примера приводится ситуация, когда оружие могло быть утеряно «при падении с кручи, на море, или в местах, подверженных бурям» (Plat., Leg. 944a-b)¹⁸.

Разрешение проблемы корректной интерпретации случаев, связанных с потерей оружия, философ видит в употребляемых формулировках и конкретных условиях, при которых произошла утрата оружия. Платон выделяет «бросившего щит» (ρίψαστις) и «потерявшего оружие» (ἀποβόλεὺς δὲ ὄπλων)¹⁹ и предлагает законодательно определить следующее: если человек не окажет сопротивления противнику и сам отдаст или бросит оружие, то при такой «потере оружия» он подлежит обвинению как бросивший его (ρίφθέντων) (Plat., Leg. 944c-d). Таким образом, ключевой фактор, определяющий данное воинское преступление, — это нежелание человека сражаться и, как следствие, бросание утрату своего оружия. У Платона (Plat., Leg. 944e), в отличие от Лисия, для обозначения подобного случая как воинского преступления используются не только слова, однокоренные глаголу ρίπτω — *бросать*, но и слова, однокоренные глаголу ἀποβάλλω — *отбрасывать, терять*. Но у философа нужно учитывать контекст, в котором они применяются. В комедиях Аристофана также используются разные термины для обозначения потери оружия, которое четко ассоциируется с трусостью, — ρίψαστις (Aristoph., Nub. 353) и ἀσπίδαποβλής (Aristoph., Vesp. 592). У Лисия же речь идет только о формулировках соответствующего закона и поэтому четко разграничивается употребление слов и их значение. Стоит отметить, что кроме Лисия, глагол ἀποβάλλω встречается и у других ораторов (Andoc., I, 74; Isocr., VIII, 143; Aesch., I, 29), где отбрасывание щита трактуется как воинское преступление. В связи с этим С. Тодд предполагает, что глагол ἀποβάλλω, очевидно, использовался в законе, касающемся клеветы и некоторые случаи его употребления у ораторов имеют гораздо более серьезный смысл, чем просто «потеря»²⁰.

Обвинение в неучастии в морском сражении (ἀναυμαχίου ὄφλεῖν), упоминаемое Андокидом (Andoc., I, 74), не встречается у других ораторов, что может быть вызвано не только гораздо меньшим количеством морских кампаний по сравнению с сухопутными, но и трудностями с выявлением воинских преступлений на море и их доказательством. Все это вызывает вопросы относительно трактовки понятия «неучастие в морском сражении». Б. Джордан понимает под этим выражением трусость в битве²¹. Д. Хамел в свою очередь проводит параллель между данным понятием и ἀστρατεία, означающим уклонение от службы в сухопутном войске, и полагает, что оно может быть идентично последнему, но относится к службе на фло-

¹⁸ В связи с последним можно вспомнить сумятицу и неразбериху среди афинян у Эпипол во время сицилийской экспедиции, когда, согласно Фукидиду, сиракузянам в качестве трофеев досталось больше доспехов, чем было убито афинян и их союзников. Такая ситуация была обусловлена тем, что при бегстве многие прыгали с обрывов, побросав щиты (Thuc., VII, 44. 6–7, 45). Также заслуживает внимания эпизод, когда у Брасида, лишившегося чувств вследствие ранения в бою, щит упал в море и стал трофеем афинян (Thuc., IV, 12. 1). Однако, как видно, у Эпипол афиняне вынуждены были спасаться бегством и поэтому бросали оружие.

¹⁹ В частности, у Фотия и Поллукса дословно цитируется данная формулировка Платона (Phot. s. v. ἀποβόλεὺς ὄπλων; Poll., VI, 151. 1–3). В свою очередь Гезихий определяет ρίψαστις как труса, на войне бросившего оружие из страха (Hesych. s. v. ρίψαστις).

²⁰ Todd S. C. A Commentary on Lysias, Speeches 1–11. Oxford, 2007. P. 673.

²¹ Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Berkeley; Los Angeles; London, 1975. P. 119.

те²². У Поллукса понятие ἀναυμαχίον встречается дважды: сначала в перечне исков (γραφαί) по различным обвинениям, включая воинские преступления (Poll., VIII, 40. 1–5), затем, когда дается трактовка данного понятия: «...и оставивший корабль судился по иску об оставлении корабля, так же, как оставивший строй — по иску о дезертирстве, по иску о неучастии в морском сражении — тот, кто не оставил корабль, но не принял участия в морском сражении» (καὶ λιποναυτίου μὲν ἐκρίνετο ὁ τὴν ναῦν ἐκλιπών, ὡσπερ ὁ τὴν τάξιν λιποτάξιου, ἀναυμαχίου δὲ ὁ τὴν ναῦν μὲν μὴ λιπών, μὴ μέντοι ναυμαχίσεως) (Poll., VIII, 43. 1–3). Обращает на себя внимание присутствие в обоих случаях вместе со словом ἀναυμαχίον такого понятия как λιποναυτίον и четкое разграничение их значений. Первое понимается как неучастие в морском сражении, а второе — как оставление корабля по аналогии с дезертирством (λιποτάξιον) в сухопутной армии. В свою очередь у Суды, со ссылкой на Андокида, понятие ἀναυμάχιον упоминается в связи с тем, что за него, наряду с неучастием в походах, покиданием строя и бросанием оружия наказание было предусмотрено законами (Suda. s. v. ἀναυμάχιου).

В речи Демосфена (Dem. L) афинянин Аполлодор, вынужденный исполнять триерархию сверх положенного срока из-за неявки сменщика, пытается возместить с него издержки. Главной проблемой для Аполлодора, по его словам, стало массовое дезертирство (ἀπόλειψις τε γὰρ πλείστη) членов экипажа из-за невыплаты жалования (Dem., L, 11). В речи дезертирство обозначается словом ἀπόλειψις (Dem., L, 11, 15, 23), а дезертировавшие моряки, соответственно, ἀπολιπόντες, вместо которых Аполлодору пришлось набирать новых (Dem., L, 12, 14, 23)²³. Вместе с тем моряки-дезертиры в конце речи называются еще и τοὺς λιπόνεως (Dem., L, 65). Таким образом, в данном случае у Демосфена говорится о дезертирстве с корабля моряков, а не об уклонении от морского сражения. И вообще сложно представить моряка, не принимающего участия в сражении, поскольку экипаж корабля представляет единое целое. Если корабль уклоняется от сражения, то происходит это по команде триерарха, и теоретически именно он должен нести ответственность за это.

В связи со сказанным можно обратить внимание на исполнение триерархии Мидием, резко критикуемой Демосфеном. По версии оратора, во время морского перехода из Стир в Афины Мидий, вопреки приказу, покинул флот (ὑπολειφθεὶς τοῦ στόλου), чтобы перевезти на триере груз для себя (Dem., XXI, 167–168). Хотя здесь речь идет не о сражении, а о морской экспедиции, мы можем наблюдать пример уклонения триерарха от выполнения приказа и несения службы. Возникает вопрос: можно ли было обвинить триерарха в дезертирстве? Мидий, по версии Демосфена, подарил триере государству с целью избежать службы в коннице. Сначала Мидий передал командование триерой метеку Памфилу, чтобы остаться в городе, но в дальнейшем в связи с изменившимися обстоятельствами сам приступил к командованию. Триерархию Мидия Демосфен пытается отождествить с дезертирством — λιπών τὴν τάξιν (Dem., XXI, 164–166).

В 361 г. до н. э. после поражения афинского флота в битве при Пепарефе виновными были признаны триерархи, которые отдали исполнение триерархии на

²² Hamel D. Coming to term with λιποτάξιον. P. 403–405.

²³ В целом слово ἀπόλειψις означает уход, оставление (в том числе военного лагеря: Thus., VII, 75), а также дезертирство применительно и к флоту, как мы видим у Демосфена, и к сухопутной армии (Xen., Hell. IV, 1, 28).

подряд и тем самым «бросили корабли и оставили строй» (προδεδωκέναι τὰς ναῦς καὶ λελοπέναι τὴν τάξιν) (Dem., LI, 8). Таким образом, фактически триерархи были обвинены в дезертирстве. Стоит отметить, что в IV в. до н. э., по-видимому, существовала практика передачи триерархии другому человеку²⁴. У Мидия как лица, добровольно снарядившего триеру, возможно было право выбора — командовать лично или нет; поэтому критика действий Мидия выглядит безосновательной. Однако при тяжелых последствиях, как, например, при поражении при Пепарефе, триерархи, отдавшие службу на откуп, могли быть привлечены к ответственности.

Исполнение сверхсрочной триерархии, как в случае с Аполлодором, не было чем-то необычным²⁵. Однако триерарх самовольно не мог оставить службу, не предоставив финансового отчета²⁶. Кроме того, он должен был официально передать, а его сменщик — принять корабль, иначе триерарх, покинувший корабль, мог быть обвинен в дезертирстве, чего опасался Аполлодор (Dem., L, 63)²⁷.

К указанным преступлениям нужно добавить также нарушение дисциплины (ἀκοσμία или ἀταξία); упоминание об этом, в частности, можно встретить у Лисия и Демосфена. Речь Лисия посвящена защите некоего афинянина от обвинения в нанесении раны с целью убийства Симона (Lys., III, 27–28, 40–43). Конфликт между двумя афинянами произошел из-за мальчика, в которого они влюбились, и Симон пытался заполучить его. Как указывается в речи, дело доходило до драк, зачинщиком которых был Симон, пытавшийся силой забрать мальчика (Lys., III, 8, 12–18, 23, 27–28). Все это свидетельствует об агрессивном характере Симона. Представленная картина также дополняется сведениями о поведении Симона в период военной службы во время Коринфской войны, когда он подрался с таксиархом Лахетом, в результате чего был исключен из войска стратегами как человек, «совершенно не подчиняющийся дисциплине и никуда не годный» (ἀκοσμιώτατος εἶναι καὶ ποιηρώτατος) (Lys., III, 45). При этом подчеркивается, что Симон был единственным, изгнанным из войска. Хотя в тексте речи дается понять, что есть и другие факты, характеризующие личность Симона, но детально приводится только эпизод, связанный с военной службой истца. Изгнание же его из войска представлено как нечто экстраординарное.

Афинянину Аристону тоже пришлось столкнуться со злостными нарушителями дисциплины — сыновьями Конона, вместе с которыми ему пришлось нести гарнизонную службу в Панакте, о чем весьма красочно повествует Демосфен (Dem., LIV, 3–5). Во время службы сыновья Конона каждый день выпивали, оскорбляли и били рабов, издевались над сослуживцами, которые в конечном итоге пожаловались стратегу. Стратег отругал сыновей Конона за плохое поведение, однако те не успокоились и вечером вновь устроили скандал, при этом избив Аристона. Восста-

²⁴ Dem., XXI, 80; 154–155; L. 52; LI, 7–8. См.: Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 126–127; Gabrielsen V. Financing the Athenian fleet: public taxation and social relations. Baltimore, 1994. P. 95–102.

²⁵ Как замечает Г. Коуквелл, триерархия Аполлодора 362/361 г. до н. э. пришлась на сложное для Афин время, потребовавшее напряжения морских сил полиса. Здесь он выделяет четыре проблемы: захват Теноса Александром Ферским, предложение Милтокифом союза в обмен на передачу Афинам Херсонеса, обращение проконнесцев за помощью в борьбе с Кизиком, перехват кораблей с хлебом византийцами, халкедонцами и кизикинцами (Dem., L, 4–6): Cawkwell G. L. Athenian Naval Power in the Fourth Century // Classical Quarterly. 1984. Vol. 34, no. 2. P. 335–336.

²⁶ Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. С. 133–134.

²⁷ Gabrielsen V. Financing the Athenian fleet. P. 80.

новить порядок удалось лишь совместными усилиями стратега, таксиархов и нескольких воинов. О дальнейшем поведении на службе сыновей Конона в речи не сообщается. Но история имеет продолжение: уже после окончания службы Аристон на агоре случайно встретил пьяного Ктесия, сына Конона, который, заметив Аристона, позвал своего отца и находившихся вместе с ним в это время людей. В результате Аристон был избит этими людьми и обратился в суд, на котором и прозвучала составлена Демосфеном речь²⁸.

Наказанием за воинские преступления, за исключением нарушения дисциплины, была атимия — поражение в гражданских правах, которое влекло за собой запрет появляться на площади, выступать с речами, участвовать в жертвоприношениях. Виновные не могли быть награждены венком, однако при этом сохраняли свое имущество (Andoc., I, 74; Aesch., I, 29; III, 175–176). У Демосфена оговаривается, что если наказанные, в том числе уклоняющиеся от службы, нарушали эти запреты, то их могли заключить в оковы (Dem., XXIV, 103–105).

Согласно «Афинской политике» (Arist., *Ath. Pol.* 61. 2), в качестве наказания для нарушителя дисциплины (τὸν ἀτακτοῦντα) было предусмотрено заключение в оковы, изгнание из войска, которое объявлялось через глашатая, а также дисциплинарное взыскание в виде штрафа (κύριοι δὲ εἰσὶν ὅταν ἡγῶνται καὶ δῆσαι τὸν ἀτακτοῦντα καὶ ἐκκηρῶσαι καὶ ἐπιβολὴν ἐπιβάλλειν)²⁹. В связи с этим можно привести рассуждения Аристотеля в «Политике» о понятии «гражданин», где среди прочего указывается, что «хороший гражданин должен уметь и быть способным и подчиняться, и начальствовать» (Arist., *Pol.* III, 1377b). Относительно дисциплинарного взыскания в «Афинской политике» делается оговорка, что оно обычно не налагалось (οὐκ εἰώθεσι δὲ ἐπιβάλλειν) (Arist., *Ath. Pol.* 61. 2). Однако у Лисия мы дважды встречаем упоминание о штрафе. В первом случае штраф был наложен (ἐπιβαλόντες δὲ τὸ ἀργύριον) за оскорбление стратегов на афинянина Полиэна, недовольного тем, что, отслужив, он через некоторое время снова был внесен в список военнообязанных (Lys., IX, 4–5). Во втором случае при обвинении Алкивиада в уклонении от военной службы в голпитах и разборе фактов данного дела, говорится о возможном наложении взыскания на филарха (ἐπιβάλλειν δὲ τῷ φυλάρχῳ) (Lys., XV, 5). При этом делается попытка проанализировать действия командиров в отношении изменения порядка несения военной службы Алкивиадом. Кроме того, в первой речи против Алкивиада, его проступок отождествляется и с нарушением воинской дисциплины — ἀκοσμοῦντας (Lys., XIV, 13, 21) и ἀτακτοῦντας (Lys., XIV, 18)³⁰. Вместе с этим делается акцент на наказании Алкивиада, которое может стать показательным для других нарушителей дисциплины вследствие известности обвиняемого (Lys., XIV, 12–13).

²⁸ О самом процессе см.: Кудрявцева Т. В. Некоторые замечания о процессе по жалобе против Конона за нанесение побоев (Демосфен, LIV) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2. С. 72–83.

²⁹ Rhodes P. J. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford, 1981. P. 683–684.

³⁰ В схолиях к Демосфену встречается пояснение по воинским преступлениям. В этом пассаже нарушителем дисциплины (ἀτάκτος) считается тот, кто был внесен в призывной список, но не выступил в положенные ему походы, а дезертиром (λεπτοτάκτης) — тот, кто в момент битвы или в лагере оставляет строй и товарищей. Не отбывавшим воинскую повинность (ἀστράτευτος) называется человек, который никогда не был внесен в список воинов (Ulpien, *ad Dem. Or.* III, 68). Данная интерпретация нарушения дисциплины отличается от той картины, которую мы можем наблюдать в эпизодах с Симоном, сыновьями Конона и Алкивиадом. В случае с последним Лисий, по-видимому, пыгается трактовать нарушение порядка службы как нарушение дисциплины.

Как мы видим, поступок Симона недостоин статуса гражданина. Можно предположить, что наказание в виде исключения из войска, примененное к Симону, выглядит вполне логичным и удобным для стратегов в условиях пребывания войска за пределами Аттики. При этом ситуация с Симоном представлена Лисием как из ряда вон выходящая — он единственный был изгнан из войска. Несомненно, изгнание из войска было позором для гражданина. По поводу сыновей Конона не совсем ясно: сначала их отругал стратег, но это не помогло, и позднее военачальникам снова пришлось восстанавливать порядок среди воинов, но в речи не говорится — принял ли стратег какие-либо меры в отношении нарушителей дисциплины или нет. В данном случае, как мы можем предположить, к сыновьям Конона не было применено ни одно из наказаний, предусмотренных для нарушителей дисциплины, и дело могло ограничиться лишь устным порицанием со стороны стратега, как при первом конфликте, так и при втором. Возможно, такое положение вещей могло быть связано с тем, что сыновья Конона несли гарнизонную службу, и в тот момент не было прямой военной угрозы. Если бы они подверглись официальному наказанию, то об этом непременно было бы сказано в речи. Г. Макдауэлл предполагает, что стратеги, по-видимому, могли сами решать, какие действия заслуживают наказания и при этом дважды подумали бы, чтобы не подвергнуться обвинениям при сдаче отчета³¹. Д. Хамел также отмечает, что реакция стратегов на факты нарушения дисциплины не была строгой и объяснялась опасением военачальников попасть после завершения кампании под судебное разбирательство, в котором могли принять участие бывшие подчиненные, теперь уже как граждане полиса³². Р. Ридли резюмирует, что в целом принципы устройства вооруженных сил предопределяли некоторые ограничения на деятельность стратегов и их подотчетность гражданскому коллективу³³.

Поддержание дисциплины и порядка иногда могло вызывать затруднение для стратегов. Так, во время сицилийской экспедиции Никий, описывая в письме народному собранию сложившуюся обстановку, сетует на проблему сохранения боеспособности воинского контингента и поддержания дисциплины. При этом он признается согражданам, что как стратег не может изменить ситуацию: «Ведь вы не таковы, чтобы с вами легко было управляться» (Thuc., VII, 14, 2). В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта тоже затрагивается вопрос о воинской дисциплине. Перикл замечает, что гоплиты и всадники «больше всех заражены духом неповиновения» и афиняне не обращают внимания на дисциплину, столь необходимую на военной службе (Xen., Mem. III, 5, 18–19, 21). В ответ Сократ объясняет ему, что это связано с невежеством командиров, когда на военные должности избирались люди, далекие от военной сферы (Xen., Mem. III, 5, 21). Как следует из этих двух пас-

³¹ MacDowell G. M. The law in classical Athens. P. 160–161.

³² Hamel D. Athenian generals: military authority in the Classical period. Leiden, 1998. P. 61–62. — В целом в Афинах случаи привлечения стратегов к суду были не редкими. Самыми серьезными из них были процессы по исангелии, подразумевавшие обвинение в государственном преступлении. На вполне реальную опасность для стратегов попасть под данный процесс обращали внимание и ораторы (Dem., IV, 47; VIII, 28–29; XIII, 5; XX, 79; Нур., IV, 27). Т. В. Кудрявцева рассматривает ряд процессов по исангелии в отношении стратегов (Кудрявцева Т. В. Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н. э. и афинская демократия // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 166–182).

³³ Ridley R. T. The Hoplite as Citizen: Athenian military Institutions in their social Context // L'Antiquite Classique. 1979. T. 48. Fasc. 2. P. 513.

сажей, проблемы с дисциплиной могли быть связаны с характером афинян и некомпетентностью стратегов. Относительно воинского командования Р.Ридли замечает, что, несмотря на непрофессиональный характер вооруженных сил, вряд ли афиняне были столь глупы, чтобы избирать на военные должности людей, которые им казались некомпетентными³⁴. С данным утверждением, на наш взгляд, следует согласиться, но при этом нужно учитывать влияние политической ситуации как на выборы, так и на деятельность стратегов.

Подводя итоги, следует сказать, что в целом в речах ораторов выделяются такие виды воинских преступлений, как уклонение от службы, дезертирство, трусость, неучастие в морском сражении, бросание щита, нарушение дисциплины. Причем последнее, по-видимому, считалось менее тяжким, чем все остальные, за которые была предусмотрена атимия. Уклонение от службы в основном подразумевало собой уклонение военнообязанного гражданина от участия в походе или от возможного призыва на службу. Под дезертирством понималось оставление строя во время битвы и, возможно, уход из войска во время похода. С определением трусости все не так однозначно, так как ее проявлением должно являться какое-либо действие, обусловленное стремлением избежать опасности или страхом за свою жизнь. Те же уклонение от службы, дезертирство, бросание щита можно расценить как проявление трусости. Бросание щита, несомненно, было позорным поступком гражданина и в данном случае важен был умысел. Если человек, не желая сражаться, специально бросил щит, то такое действие могло быть расценено как воинское преступление. Кроме того, голословное обвинение другого человека в бросании щита расценивалось как оскорбление, и виновный мог быть привлечен к ответственности за клевету.

Неучастие в морском сражении встречается лишь в перечне воинских преступлений у Андокида, конкретных фактов неучастия в морском сражении в речах ораторов не приводится. Такая ситуация могла быть связана с тем, что морских кампаний и сражений было гораздо меньше, чем сухопутных и было сложно доказать сей факт. Теоретически под данное обвинение могли попасть триерархи как командиры кораблей, которые, в отличие от сухопутных командиров, во время морских походов могли обладать в силу объективных причин определенной самостоятельностью и свободой. Что касается нарушения воинской дисциплины, то, как мы видим в источниках, оно могло подразумевать конфликт и драку с сослуживцами и командирами, непристойное поведение и, возможно, нарушение установленного порядка несения службы.

Как правило, тема воинских преступлений использовалась в общественном дискурсе афинскими ораторами для оценки нравственных качеств своих оппонентов. В некоторых случаях обвинение в воинском преступлении было частью более серьезного обвинения. Нередко ораторы пытались обвинить человека сразу в нескольких воинских преступлениях, по-своему их интерпретируя, с целью добиться максимального эффекта своих речей.

References

Bondar' L. D. *Afinskie liturgii V-IV vv. do n. e.* St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, 204 p. (In Russian)

³⁴ Ridley R. T. The Hoplite as Citizen: Athenian military Institutions in their social Context. P.517.

- Bugh G.R. *The horsemen of Athens*. Princeton, Princeton University Press, 1988, 271 p.
- Cawkwell G.L. Athenian Naval Power in the Fourth Century. *Classical Quarterly*, 1984, vol. 34, no. 2, pp. 334–345.
- Christ M.R. *The bad citizen in classical Athens*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 262 p.
- Gabrielsen V. *Financing the Athenian fleet: public taxation and social relations*. Baltimore, John Hopkins University Press, 1994, 306 p.
- Habicht Ch. *Athen. Die Geschichte der Stadt in hellenistischer Zeit*. Rus. ed. Moscow, Lodomir Publ., 1999, 416 p. (In Russian)
- Hamel D. *Athenian generals: military authority in the Classical period*. Leiden, Brill, 1998, 254 p.
- Hamel D. Coming to term with λιποτάξιον. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1998, vol. 39, pp. 361–405.
- Harris E. M. *Aeschines and Athenian Politics*. New York, Oxford University Press, 1995, 238 p.
- Jordan B. *The Athenian Navy in the Classical Period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth Centuries B. C.* Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1975, 293 p.
- Kellogg D. L. The Place of Publication of the Ephebic Oath and the “Oath of Plataia”. *Hesperia*, 2013, vol. 82, pp. 263–276.
- Kellogg D. L. οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα. The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens. *Mouseion*, 2008, ser. III, pp. 1–22.
- Kholod M. M. Ten’ Kheroneiskogo I’va: utverzhdienie makedonskogo gospodstva v Gretsii v 338 g. do n. e. *Problemy antichnoi istorii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2003, pp. 185–218. (In Russian)
- Kudriavtseva T. V. Nekotorye zamechaniia o protsesse po zhalobe protiv Konona za nanesenie poboev (Demosfen, LIV). *Problemy istorii, filologii, kul’tury*, 2019, no. 2, pp. 72–83. (In Russian)
- Kudriavtseva T. V. Protsessy strategov po isangelii v IV v. do n. e. i afinskaia demokratiia. *Istoriia. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2008, pp. 166–182. (In Russian)
- MacDowell G. M. *The law in classical Athens (Aspects of Greek and Roman Life)*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1978, 280 p.
- Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators. *Classical Philology*, 1941, vol. 36, no. 3, pp. 209–229.
- Pritchard P. The Horsemen of Classical Athens. Some Considerations on Their Recruitment and Social Background. *Athenaeum*, 2018, vol. 106, no. 2, pp. 439–453.
- Rhodes P. J. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford, Clarendon Press, 1981, 795 p.
- Ridley R. T. The Hoplite as Citizen: Athenian military Institutions in their social Context. *L’Antiquité Classique*, 1979, t. 48, fasc. 2, pp. 508–548.
- Rung E. V. ИΠΟΔΟΣΙΑ: Fenomen predatel’sтва v klassicheskoi Grecii. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2016, no. 2, pp. 77–87. (In Russian)
- Rung E. V., Vostrikov I. V. Tema predatel’sтва i patriotizma v rechi Likurga “Protiv Leokrata”. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 156, issue 3, pp. 150–157. (In Russian)
- Sealey R. *Demosthenes and his Time: A Study in Defeat*. Oxford, Oxford University Press, 1993, 340 p.
- Siewert P. The ephebic oath in fifth-century Athens. *Journal of Hellenic Studies*, 1977, vol. 97, pp. 102–111.
- Surikov I. E. *Antichnaia Greciia: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo vremeni*. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ., 2015, 392 p. (In Russian)
- Todd S. C. *A Commentary on Lysias, Speeches 1–11*. Oxford, Oxford University Press, 2007, 783 p.
- Todd S. C. The Use and Abuse of the Attic Orators. *Greece & Rome*, 1990, vol. 37, no. 2, pp. 159–178.
- Val’chenko V. V. O kharaktere argumentatsii v rechi Likurga protiv Leokrata. *Iazyk i literatura antichnogo mira (k 2500-letiiu Eshkhila)*. Leningrad, Leningrad University Press, 1977, pp. 62–68. (In Russian)
- Vostrikov I. V. Uklonenie ot voennoi sluzhby v klassicheskikh Afinakh. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2016, no. 2, pp. 9–16. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 января 2023 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: January 9, 2023

Accepted: May 3, 2023